

О НОВОМ ТИПЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОРОДА

© 2016 В. В. Енуков¹, О.Н. Енукова²

¹докт. ист. наук,

директор НИИ археологии юго-востока Руси

e-mail: vyenukov@gmail.com

²канд. ист. наук,

ведущий научный сотрудник НИИ археологии юго-востока Руси

e-mail: o.enukowa@yandex.ru

Курский государственный университет

В статье проанализированы материалы археологического комплекса у д. Липино Курской обл., который состоит из городища, селища, двух курганных и одного бескурганного могильников. Комплекс принадлежит к числу наиболее изученных на территории Южной Руси. В XII в. в жизни его обитателей происходят важные изменения. На городище возводятся укрепления, однако следы жилья отсутствуют. На селище фиксируются материальные проявления градообразования, среди которых наиболее ярким является формирование усадебно-уличной планировки. В результате появляется возможность выделить новую модель урбанизационных образований Древней Руси. Ее сущность с позиций социальной топографии сводится к схеме «небольшая крепость + обширное неукрепленное поселение с отчетливыми признаками городской жизни».

Ключевые слова: Древняя Русь, малый город, усадьба, уличная планировка, социальная структура

В исторической науке проблеме сущности города посвящена обширная литература. В разработке материальных признаков древнерусских городов едва ли не центральное место занимают результаты изысканий А.В. Кузы, сохранившие свою актуальность до сих пор [Куза 1985; 1989; 1996]. В свою очередь, в ряду городов Древней Руси малые занимали ведущее в количественном отношении место, однако степень их изученности до сих пор остается невысокой. Есть основания полагать, что именно в этом сегменте урбанизационных образований могут быть открыты новые формы, примером чему является археологический комплекс у д. Липино Октябрьского района Курской области.

Впервые на Липинское городище было обращено внимание еще в начале XX в., однако свою известность памятник получил в ходе работ Деснинской археологической экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР в конце 1940 – начале 1950-х гг. [Воеводский 1949; Засурцев, Лисицына 1968]. В 1993–2009 гг. с небольшими перерывами исследования на поселении и городище проводились под руководством авторов. Комплекс располагается на правобережной террасе р. Сейм (рис. 1) и состоит из небольшого (0,4 га) городища (исследовано 600 кв. м), неукрепленного селища площадью около 25 га (изучено около 1 га), примыкавшей к ней хозяйственной зоны из пашни, огородов и отдельных хозяйственных построек (исследовано 1200 кв. м), а также двух курганных (исследовано 81 погребение)¹ и одного бескурганного (30 захоронений) могильников. Кроме того, погребения, связанные с монгольским разгромом, были открыты на городище (24) и селище (4).

¹ Курганная группа 1 располагалась к северу от селища, в балке Голубица (рис. 1). Точное местоположение группы 2 установить сложно. В настоящее время следы насыпей, которые уже в 1940-х гг. плохо прослеживались ввиду многолетней запашки, полностью уничтожены.

В результате Липинский комплекс применительно к территории всей Южной Руси является одним из наиболее изученных, причем во всех составляющих его компонентах.

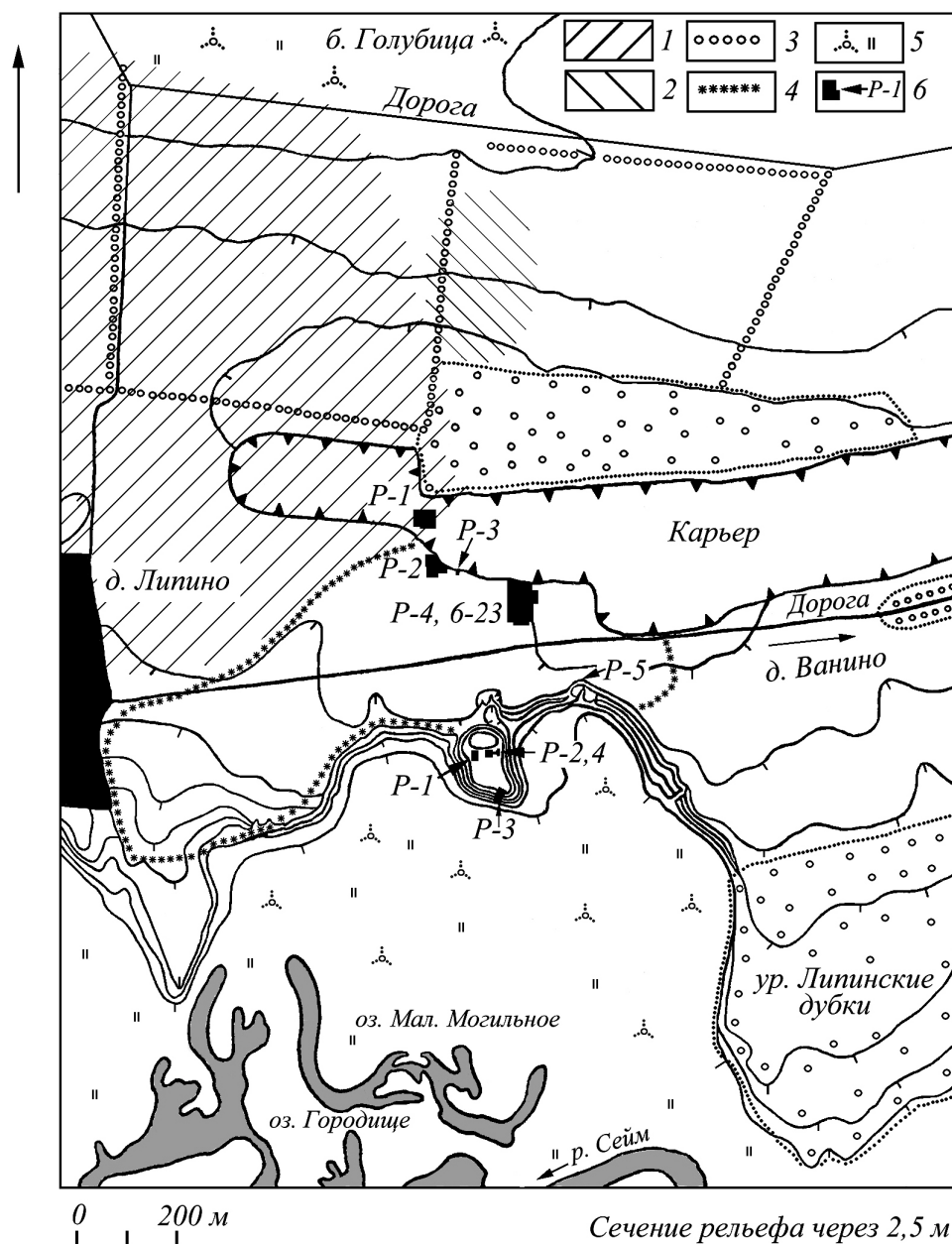

Рис. 1. Липинский археологический комплекс:

1 - сельскохозяйственная зона; 2 - территория с распаханными курганами группы 1; 3 - лесопосадки; 4 - границы селища; 5 - заболоченный луг; 6 - исследованная площадь

Традиционно важнейшим признаком города считается укрепленная площадь, которая должна достигать, согласно А.В. Кузе, 2,5–3 га [Куза 1996: 45]. Липинское городище было в несколько раз меньше. Укрепления в виде высокого, до 4–5 м вала, отсекали площадку с северной, напольной, стороны. Со стороны поймы они внешних признаков почти не имели, если не считать слабо выраженного повышения на отдельных участках по краям площадки. Следует, однако, отметить, что в средневековье Сейм, судя по всему, протекал непосредственно у подошвы террасы. Старое русло прослеживается по сохранившейся обводненной западине, и городище,

таким образом, имело с этой стороны естественную дополнительную защиту. Изучение укреплений проводилось только в крайней мысовой части площадки (раскоп 3), где остатки деревянных сооружений практически не сохранились. Однако в ходе работ была открыта толстая (до полуметра) фундаментная подушка из обожженной до кирпичного состояния глины, перекрывавшая более ранние напластования скифского и роменского времени. Она сильно «прогнулась», что явно отражает наличие на ее поверхности мощных фортификационных сооружений.

На площадке городища стратиграфически выделялось два основных слоя – роменский и древнерусский, причем если с первым была связана плотная жилая застройка, то со вторым – только три объекта: две хозяйственные ямы и колодец. Последний был сооружен еще в скифскую эпоху, а в славяно-русское время был заново возведен на том же самом месте. На последнем этапе своего существования его ствол был укреплен квадратным в плане дубовым срубом [Енукова 2008]. В результате городище, отстроенное на месте сожженного роменского поселка не ранее XII в., предстает в виде небольшой, но хорошо укрепленной крепости, в которой либо вообще не было постоянного населения, либо ее обитатели были немногочисленны, в силу чего их жилища не попали в исследованную площадь. В любом случае, следует констатировать, что Липинское городище не имеет ничего общего с традиционным представлением о детинце древнерусского города.

Не менее неожиданный облик имеет и селище. Оно возникло в пределах конца X – начала XI в., причем уникальная находка в кургане 70 группы 1 сребренника Владимира первого типа позволяет даже сузить эту дату до 990-х гг. [Енуков 2008: 131, 132]. Застройка селища, долгое время отличающаяся хаотичностью и множественностью объектов, с конца XI – начала XII в. начинает приобретать «упорядоченный» вид, что проявляется в формировании усадебно-уличной планировки – одного из важнейших признаков городской жизни (рис. 2). Ее основу на исследованной части селища составляли две улицы с тремя переулками и площадь. Не исключено, что между усадьбами Д, З и Л располагалась еще одна площадь, однако для окончательного вывода необходимо проведения дополнительных полевых изысканий.

На большей части улиц и переулков были обнаружены следы деревянного мощения. Для Липинского археологического комплекса характерен «сухой» слой, что приводит к «спрессованности» остатков сооружений. Тем не менее на многих участках были найдены следы неоднократных ремонтов мостовых. Их благоустройство представляло собой важную часть ведения городского хозяйства, что нашло свое отражение еще в краткой редакции Русской Правды [Тихомиров 1953: 85, 86]. На Липинском селище от мостовых обычно остаются следы продольных лаг, по внешней стороне которых иногда прослеживается «гребенка» с широкими «зубьями» – отпечатки поперечных плах. Древнейший из настилов датируется концом XI в. [Енукова 2009: 119–121. Рис. 2–5]. В некоторых случаях между лагами имеется ряд углублений от обрезков крупных бревен, предохраняющих настил от прогиба. Такие подпорки известны в раскопках Новгорода Великого [Сорокин 1998: 264].

Вдоль улиц и переулков располагались полностью или частично исследованные 12 усадеб (рис. 2), ограждения которых практически полностью окружали домохозяйства и смыкались с настилами мостовых. Выявлено три варианта их конструкции [Енукова 2009: 121]. Первый представлял собой бревенчатый частокол, основания которого укреплялись в специальной канавке. Второй вариант, встречающийся гораздо реже, был близок первому, но основания бревен вбивались в грунт. Такие частоколы, вероятно, выше скреплялись переводинами, что отмечалось в Новгороде [Колчин 1985; Сорокин 1998: 258–261]. Наконец, третий вариант предполагал установку столбовых опор, в пазы которых горизонтально набирались

плахи или доски. Эта реконструкция, в отличие от предыдущих, отличается некоторой гипотетичностью, однако в ряде случаев стоящие «с разрывом» столбы четко совпадали с границами усадеб, установленных по другим признакам (в первую очередь начало нового участка со своим комплексом сооружений). Такого рода строительные решения известны как по археологическим материалам, так и по данным этнологии [Бломквист 1956: 13, 14; Сорокин 1998: 261].

На всех усадьбах были выявлены въезды (рис. 2), причем нередко они были как бы «утаплены» внутрь территории хозяйственных комплексов (усадьбы Б, Д, Е, И, Л). Такие ниши, хорошо известные в Киеве и Новгороде, были призваны обеспечить разворот транспорта [Засурцев 1963: 46; Толочко 1981: 91. Рис. 16; Сорокин 1998: 262]. Трижды на усадебных комплексах было отмечено по два въезда. На усадьбе А один располагался со стороны площади I, второй в виде своеобразного коридора шел с улицы II. Необычен второй, юго-восточный, въезд усадьбы Д. Он был фланкирован двумя хозяйственными постройками, которые немного выступали за пределы красной линии [Енуков 2006: 319. Рис. 1]. Подобный способ оформления проезда был известен в Новгороде [Сорокин 1998: Рис. 4, в]. Существование двух въездов на самой маленькой по площади усадьбе З до конца не понятно. Можно осторожно предположить, что с юго-востока к ней примыкал еще один усадебный комплекс, поэтому они обеспечивали доступ к домохозяйству с разных коммуникационных элементов – с улицы II и площади II. Кроме того, отметим, что усадьба З внутри была еще расчленена «перегородкой» на две части, каждой из которых соответствовал собственный въезд. Аналогичная перегородка, отделявшая часть территории с хозяйственными объектами от жилого дома с «чистым» двором, имела и на усадьба А, однако здесь не было отдельного въезда.

Границы домохозяйств зачастую «повторяли» направления улиц и переулков, поэтому участки имели разнообразные, чаще всего неправильные, округлые очертания. Только в двух случаях (усадьбы А и Д) форма владений приближалась к треугольнику со сглаженными углами (рис. 2). Жилищно-хозяйственные комплексы древнего Новгорода, Киева, Рязани в плане были прямоугольными, квадратными или трапециевидными [Засурцев 1963; Даркевич, Борисевич 1995: 222; Толочко 1981]. Подтреугольные очертания усадебных владений в Новгороде на Неревском раскопе считаются исключением [Сорокин 1998: 251].

В развитии застройки самих усадебных комплексов наблюдается определенная закономерность. Так, если на раннем этапе их существования сохраняется традиция возводить относительно многочисленные и отдельно стоящие хозяйственные объекты, то в дальнейшем их количество уменьшается, при этом они становятся крупнее и могут составлять связанные воедино комплексы из нескольких помещений [Енукова 1998: 32–36; Енуков 2006]. Домостроительство населения Липинского селища было детально проанализировано в специальном исследовании [Енукова 2007: 59, 60, 62, 65–72, 80–86]. Обитатели усадеб проживали в просторных домах срубной конструкции, которые начиная со 2-й половины XII столетия дополнялись обширными неотапливаемыми подклетами. Нередко в пределах усадебных участков располагались остатки нескольких домов, однако не зафиксировано ни одного достоверного случая их сосуществования. Судя по всему, в Липине, по крайней мере на исследованной территории, действовало правило: «один дом – одна усадьба».

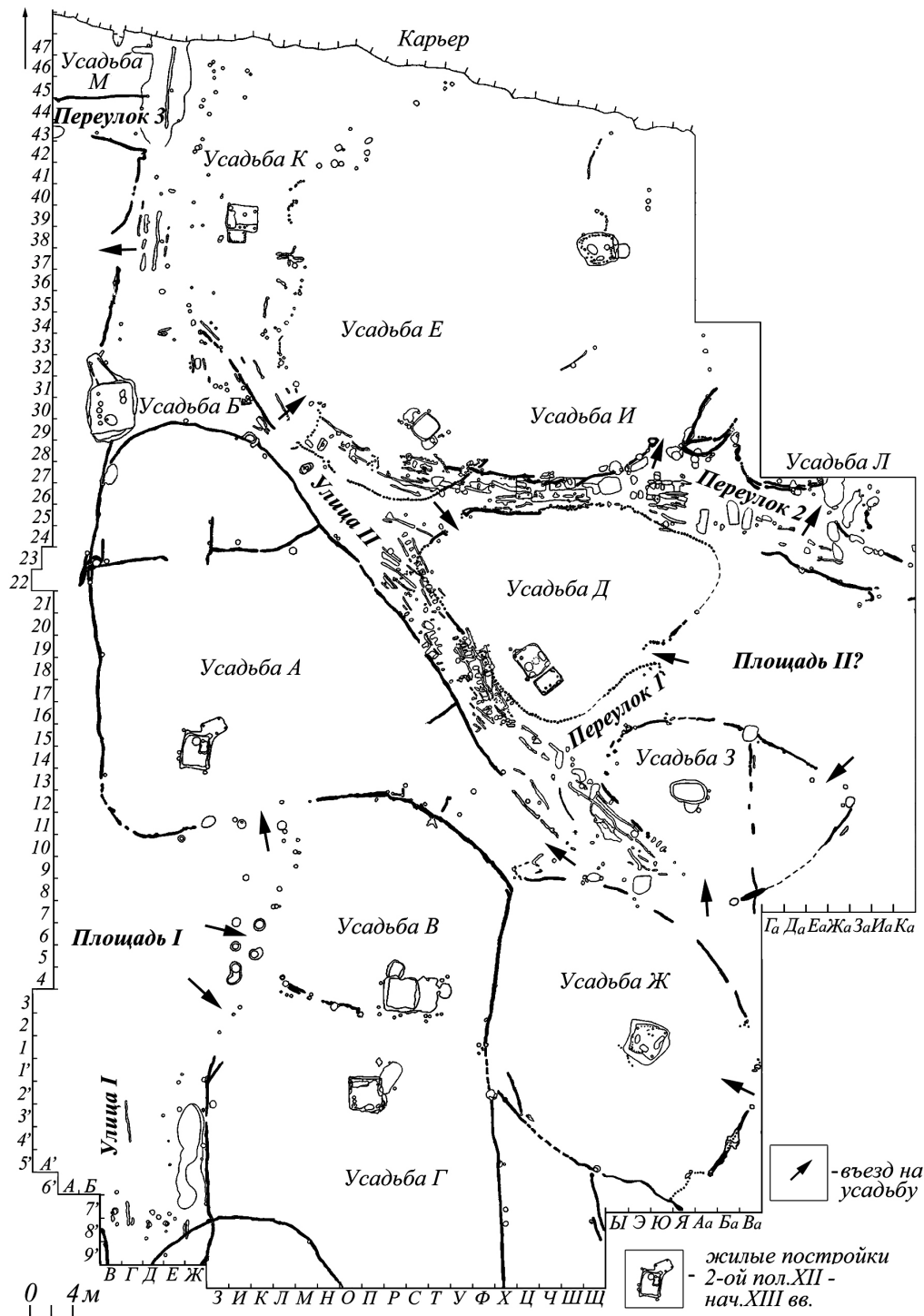

Рис. 2. Липино, селище. Схема застройки

Следует отметить и еще один важный для нашей темы факт: формирование планировки городского облика заняло достаточно продолжительный промежуток времени, подтверждением чему служат маркерные с позиций хронологии усадьбы А и Д (рис. 2). Существование первой из них в 1-й половине XII в. сомнений не вызывает, что подтверждается хронологией не только хозяйственных объектов, но и центрального сооружения этого времени – жилого дома в виде пятистенка [Енуков, Енукова 2009: 54]. Однако предшественники хозяев этой усадьбы, судя по всему, осознавали себя владельцами участка земли гораздо раньше, о чем свидетельствует показательный

факт: усадебное ограждение практически нигде не пререзает сооружений XI в., некоторые из них были явно «вписаны» в участок с учетом существовавших границ, а вокруг большей части будущего комплекса прослеживалась своеобразная нейтральная зона. Что касается усадьбы Д, то она формируется не ранее середины – 2-й половины XII столетия [Енуков 2006: 318, 319]. Таким образом, планировка городского облика складывалась около полувека.

К числу значимых признаков при определении социального статуса хозяев традиционно относится площадь усадеб. В частности, в литературе широко распространено мнение с опорой на новгородские материалы, согласно которому прямоугольные усадьбы площадью до 465 кв. м принадлежали рядовым горожанам, входившим в сотенную организацию. Усадьбы площадью более 750 кв. м рассматриваются как боярские патронимии [Янин 1982: 72; Куза 1985: 63, 64; Асташова 1991: 48; Даркевич, Борисевич 1995: 43]. Однако в последнее время прямая зависимость количественных параметров и социальной принадлежности подвергалась вполне обоснованной критике [Петров, Сорокин 1997: 55, 56]. В Липине площади домохозяйств варьировали от 230 до 1000 кв. м. К числу наиболее крупных относятся усадьбы А, Е (по 970 кв. м) и И (1010 кв. м). Две усадьбы имели площадь средних размеров (Г – 580 кв. м, Ж – 620 кв. м) и три занимали наименьшие земельные участки (В – 340 кв. м, Д – 320 кв. м, З – 230 кв. м). В остальных случаях домохозяйства были исследованы не полностью.

Таким образом, как минимум в двух случаях можно было бы предположить боярскую принадлежность усадеб. Однако этому противоречит два аргумента. Во-первых, в пределах комплексов одновременно существовало только по одному жилищу, что плохо соотносится с имеющимися представлениями о боярских патронимиях. Во-вторых, отсутствуют находки, которые бы позволили говорить о владельцах-боярах, хотя в одном случае присутствуют предметы «статусного» характера, на чем мы остановимся ниже. А пока обратимся к еще одному важному признаку усадебной застройки социального характера – стабильности усадебных границ.

Неизменность пределов усадебных комплексов в историографии не менее традиционно объясняется частновладельческим характером домохозяйств, что давало горожанам определенные права, но подразумевало и обязанности [Янин 1977: 151, 224; Куза 1985: 63; 1989: 134; Тимошук 1995: 220; Хорошев 1997: 41]. В целом стабильность границ фиксируется и в Липине. Отклонения от этого правила отмечены только трижды, причем во всех этих случаях наблюдается общий подход: «прирезки» были осуществлены за счет проезжей части при сохранении межи между домохозяйствами (рис. 2). Владельцы усадьбы Д «прихватили» небольшой участок улицы II. Напротив, хозяева усадьбы Б на позднем этапе ее существования поставили новый дом прямо на старой красной линии, заметно увеличив свою землю, однако проезжая часть улицы II оставалась достаточно широкой (около 4 м). Зато владельцы усадьбы Е подвинули ограждение таким образом, что улица II сузилась до ширины менее 2 м, нанеся городскому хозяйству наибольший урон.

Складывается впечатление, что обитатели усадьбы Е, кстати сказать самой большой по площади, имели возможность игнорировать мнение «сограждан», чему имеются и косвенные материальные подтверждения. Именно здесь были найдены две свинцовые пломбы дрогичинского типа, достаточно редкие в регионе. На одной из них имелись «колоколовидные» двузубцы с перекрестиями, которые являются родовыми знаками потомков Юрия Долгорукого [Перхавко 2006: 243]. И сам князь, и его сыновья, занимавшие курский стол, были активными участниками событий середины

XII столетия, связанных с «Посемьем» летописей. Эти предметы свидетельствуют о принадлежности владельцев усадьбы Е к княжеской администрации.

Подробный анализ инвентаря с позиций социальной интерпретации населения древнего Липина был проделан в специальной работе [Енуков 2010], поэтому приведем только итоговую характеристику обнаруженных предметов. В жизни владельцев усадеб заметную роль играло сельское хозяйство, что подтверждается находками орудий труда, а также многочисленными хранилищами и хозяйственной зоной, непосредственно примыкающей к селищу. Вряд ли это может удивлять в свете того, что даже в крупнейших древнерусских городах такого рода занятия занимали важное место [Толочко 1989: 81–85]. Земледелие дополнялось животноводством, охотой и рыболовством. Производственная деятельность выражена заметно слабее. Наиболее отчетливо фиксируется варка железа, а также обработка кости и рога. Картографирование предметов воинского быта показывает, что почти все домовладельцы при необходимости могли выступить в роли воинов. Несколько больше таких находок обнаружено на больших по площади усадьбах, в том числе и Е, однако строгая зависимость между двумя этими параметрами отсутствует. Так, на маленькой усадьбе Ж были найдены две пластины от элитного панцирного доспеха, а также фигурная пуговица, украшенная цветными эмалями и позолотой.

Полученная картина социального облика населения может выглядеть несколько «снивелированной» в силу того, что основная часть исследованной территории представляла собой практически окраину селища, хотя и здесь было обнаружено домовладение, хозяева которого имели отношение к княжеской администрации. Однако в Липине проживали и представители высшей аристократии, о чем свидетельствует уникальная находка ожерелья из серебряных с позолотой колодочек, обнизанных бисером, обнаруженная в погребении 1 грунтового могильника [Розенфельдт 1958]. На элитарность этого украшения указывала еще Г. Ф. Корзухина [Корзухина 1954: 52], а М. А. Сабурова использовала его в обобщенных реконструкциях княжеско-боярской парадной одежды [Сабурова 1997: 108. Табл. 73; 74, 25].

Таким образом, материалы Липина позволяют выделить новую модель урбанизационных образований Древней Руси, суть которой с позиций социальной топографии сводится к схеме «небольшая крепость (убежище?) + обширное неукрепленное поселение с признаками городской жизни». Некоторые данные, требующие проверки в ходе дополнительных полевых изысканий, позволяют осторожно предположить, что в Курском княжестве были и другие примеры подобного рода.

Библиографический список

Асташова Н. И. Усадьбы древнего Смоленска // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 21–49.

Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник: Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – нач. XX в. М.: Наука. С. 10–256.

Воеводский М. В. Городища Верхней Десны // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. 1949. Вып. XXIV. С. 67–77.

Даркевич В. П., Борисевич Г. В. Древняя столица Рязанской земли: XI–XIII вв. М.: Кругъ, 1995. 450 с.

Енуков В. В. Возникновение древнерусского Курска в контексте историко-археолого-нумизматических реалий региона // Древности эпохи средневековья евразийской лесостепи: сб. науч. тр. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2008. С. 123–148.

Енуков В. В. Усадьба Д Липинского археологического комплекса // Археологическое изучение Центральной России: тез. Международ. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (13–16 ноября 2006 г.). Липецк: ГОУ ВПО «Липецкий государственный университет», 2006. С. 316–320.

Енуков В. В., Енукова О.Н. Дома с сениями на юго-востоке Руси // *Stratum plus*. 2009. №5. С. 41–57.

Енукова О. Н. Благоустройство уличного пространства малого южнорусского города (по материалам Липинского археологического комплекса) // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура: материалы конф., посвящ. 100-летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса / Комитет по культуре администрации Курской области, Курский государственный областной музей археологии, Центр археологических исследований. Курск, 2009. С. 118–127.

Енуков В. В. О социальной структуре населения Липинского археологического комплекса // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5. Липецк: РИЦ ФГБОУ ВПО «ЛПГУ», 2010. С. 282–295.

Енукова О. Н. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. Курск: Курск. гос. ун-т, 2007. 220 с. (Тр. НИИ археологии юго-востока Руси Курск. гос. ун-та. Вып. 1)

Енукова О. Н. Колодец Липинского городища // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья: матер. науч. конф. Воронеж: Истоки, 2008. С. 88–90.

Енукова О. Н. Жилые постройки на подклетах в городах Курского княжения // Археология Юго-Востока Руси: сб. науч. тр. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. С. 109–124.

Енукова О. Н. Структура и планиграфия южнорусских усадеб (по материалам Липинского поселения) // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий: тез. докл. науч. конф. Липецк: ЛПГУ, 1998. С. 174–178

Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. 1963. № 123. С. 5–165.

Засурцев П. И., Лисицына Н.К. Липинское городище // Славяне и Русь. М.: Наука, 1968. С. 46–54.

Колчин Б. А. Инженерные сооружения // Древняя Русь. Город, замок, село. М.: Наука, 1985 (Археология СССР). С. 170–218.

Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 156 с.

Куза А.В. Древнерусские города // Древняя Русь. Город, замок, село. М.: Наука, 1985 (Археология СССР). С. 51–65.

Куза А.В. Малые города Древней Руси. М.: Наука, 1989. 172 с.

Куза А.В. Древнерусские городища X–XIII вв.: Свод археологических памятников. М.: Христианское издательство, 1996. 270 с.

Перхавко В. Б. Торговый мир средневековой Руси. М.: Academia, 2006. 608 с.

Петров М.И., Сорокин А.Н. О размерах усадеб древнего Новгорода // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 1997. С. 54–63.

Розенфельдт Р. Л. Липинский бескурванный могильник // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. 1958. Вып. 72. С. 90–92.

Сабурова М. А. Древнерусский костюм // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997 (Археология). С. 93–103

Сорокин А. Н. Благоустройство усадеб в древнем Новгороде // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 248–276.

Тимощук Б. А. Восточные славяне: От общины к городам. М.: Изд-во МГУ, 1995. 261 с.

Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М.: Изд-во МГУ, 1953. 193 с.

Толочко П. П. Массовая застройка Киева X–XIII вв. // Древнерусские города. М.: Наука, 1981. С. 63–94.

Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. Киев: Наукова Думка, 1989. 256 с

Хорошев А. С. Новгородские усадьбы и система городского землевладения по археологическим данным // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 1997. С. 37–41.

Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М.: Высшая школа, 1977. 240 с.

Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // Новгородский исторический сборник. Вып. 1(11). Л.: Наука, 1982. С. 79–95.